

Ираклій Цагурия

Сирдар Воставшей Грузіи.

ПРЕДАТЕЛЬСКОЕ ТРІО.

Qui a jamais vu dans un combat libre et ouvert,
la verité fut vaincue (MILTON)

Предательское тріо.

Въ Брюсселе живут: старая, беззубая гадюка Арошидзе, старый, чіатурекій ганстер Джакели и ех-чекист Тугуши.

В станіе уродливой тройки большое торжество, — „трам, трам“ - трещать кабели гада, разбойника и чекиста - по ним передаются амирадживовская клевета и кое-что собственное, — „братская солидарность“ и быстрота передачи при этом поразительны - гад спешит помочь разбойнику, а разбойник чекисту. Дабы информация была бы полная и непристрастная, я решил бамматовеким пеам и сучкам ответ давать по русски - Радио-Поет Сирдара Цагуріа...

Allo! Allo! Слушай меня эмиграція...

Кто же они, не брюссельское, а парижское тріо Предателей? Кем они были до войны? „Ех“ами т. е. просто грабителями. Как они вели себя в дни нашей самостоятельности? Были дезертирами, — чем они стали в изгнаніи? Предателями...; их имена? Шалва Карумидзе и Шалва Амираджиби. Но кто же третій? Темный горець, по имени Баммата бей - въ прошлом на службе у Воронцова, затѣм у Рамшвили, а сегодня у Ататурка. Я их публично называю турко-советскими провокаторами. В стране, где я живу, за клевету карают весьма сурово - мудрость и неподкупность бельгійских судей общеизвестны - я вам — „предательской тройке“ - предлагаю назначить мне свиданіе во дворце Королевскаго Правосудія, если вы почтете себя оскорбленными моими „radio-information“ ... Вы ахните от испуга и волненія, когда я явлюсь на „свиданіе“ в сопровожденіи моих свидетелей и разверну перед судьями ваши „casiers judiciaires“.

Одна фамилія „Амиреджиб“ чего стоит! Что и говорить-символическое имя носит наш „герой“ Шалва Оглы, — подлинный русскій перевод этой фамиліи: „друг красных и собак“ - („red“ по англійски значит „красный“, а „jib“ значит „фок“ - особая собачья порода). Отчего в роду у „Амиреджибов“ собачій лай считается фамильным ремеслом, а дружба с красными (с красной турецкой феекой) - традиціей дедов и отцов.

Баммато-амирадживовской лоханке со всякаго рода по-

моими, я противопоставляю мою солдатско-грузинскую правду. Алтарь грузинской правды не может быть загашен клеветой „дагестанцев“. Руководимое ядро дагестанской группы, Карумидзе, Баммата и Амираджиби не жертвы психического или нервного заболевания, не больные, страдающие полной душевной неуравновешенностью, а определенные преступники.

Среди гадов переполох... Баммат - карумидзевская неария завывала... На содержании у агента турецкого империализма, темного горца Баммата, старому шантажисту с большим уголовным прошлым Шалва Оглы Амираджиби, Бамматом отдан приказ: лягнуть меня... На этот раз мишенью являюсь я... Для этой цели издан даже на грузинском языке журнальчик. Амираджимовскую атаку, откровенно говоря, я ждал уже давно... Года два тому назад, посылая Баммату мою брошюру военно-политического характера, я ее препроводил с такой надписью: „Помни, темный горец, что Грузия, моя Родина, за тобой не пойдет... Ставка же на ген. Квинитадзе заранее бита, т.к. битый генерал авторитет весьма плохой. Наш Квазимодо, Шалва Оглы тогда не рискнул меня лягнуть.- за клевету старый шантажист не раз бывал битым... Но времена меняются... В жизни многое забывается... Сейчас у клироса Шалва Оглы читает даже неалмы: из грабителя деревенских церквей в Карталии, Шалва Оглы с удивительной быстротой превращается, подобно разбойнику Кудюру, в „христоролюбиваго дьячка“ грузинской приходской церкви в столице Франции; ex-писака угрожающих анонимных писем к богатым горийским кушцам гордо себя именует журналистом и, с наглостью ганстера, присваивает даже звание грузинского писателя.. Некогда он работал исключительно для карумидзевской шайки, сейчас он работает для „Баммат-Карумидзе Дом и Ко“. Да простит мне читатель, но я принужден коснуться карумидзевской эпохи из прошлого нашего „героя“. После 1905 года в Гори образовалась группа „святельных анархистов“; во главе шайки стоял Ш. Карумидзе; членами банды состояли: Ахметели, Ананиашвили и Шалва Оглы... Идейными шефами грабителей были никто иные, как покойный кн. Черкезов и Миха Церетели. В Кутаисе - во главе шантажистов стоял Чхеидзе - первый н-к милиции советского Тифлиса. Чем занимались наши „герои“? Шантажем и грабежами; особенному хищению подверглась золотая утварь деревенских церквей. Амираджиби же специализировался на посылках анонимных писем с требованием денег и традиционной угрозой прислушании.

Писательский талант нашего „моралиста“ ведет свое начало с этой эпохи, и неудивительно, что карумидзевский верный писарь стал в эмиграции бамматовским „Демьяном Бедным“. Такова история краткой выписки из послужного списка

Шалвы Оглы Амераджиби. В Париже - при наличии грозной и бдительной полиции - заниматься горийским ремеслом и рискованно, и весьма опасно. Безработный наш „герой“, прошедший столь богатую уголовную школу, со стажем писания анонимных писем, поступает на службу к турецкому агенту Баммат. Карумидзевской шайки писарь быстро превращается в эмигрантского Демьяна Бедного... Подобно московскому собрату, он получает заказы и, боясь начальнического окрика, наш „герой“ не брезгает ни клеветой, ни низостью.

В прошлом году мишенью был взят наш Вождь - Ной Жордания. На безграмотном русском языке велась яростная травля против великого старца. За безграмотность Шалвы Оглы винить нельзя: свои анонимные письма несчастным, перепуганным горийским торгашам сиятельный шантажист писал по грузински, вследствие чего ему русский язык дается весьма туго: за убогим ум и знания недоучившагося гимназистика укорять также нельзя. Природа его наградила внешностью Квазимоды, пером и душой Демьяна Бедного. Таков сегодняшней сотрудник Кавказа и Кавказии. Ближайший родственник Шалвы Оглы, один из виднейших членов партии наших национал-демократов, Геронтий Кикодзе, со дня нашей Голгофы добровольно нанялся на службу к агентам московского империализма; в устах этого *judas* звенит „ура“, лесть и крики в честь Москвы и ее клики... Шалва бей по существу избрал тот же героический путь, но, вместо московских палачей, он постучался в двери турецких мамелюков... Только „ура“ он заменил „*par alla!*“ и подобно Кикодзе продал свою совесть (шантажиста) и перо за турецкие лиры стал верным слугой злейших врагов Грузии.

Кто такой Баммат? Каждому тифлисецу знаком этот „руставельский джигит“. Часто мы его видели прогуливавшегося по Тифлисе рука об руку с дочерью несчастного русского генерала Григорьева. В то время, как его братья по крови, горцы Кавказа, в горах гибли за свободу и заветы Шамиля, сей „патриот“, во цвете лет вел в Тифлисе широкую жизнь, ни в чем себе не отказывая. Наша контр-разведка платила своему агенту Баммату весьма щедро. Я видел в Метехи жертвы бамматовских доносов. Когда нашу контр-разведку заменила сталинская чека, Баммат спешно оставляет Тифлис и „гיאурку“. Обезчестив беззащитную христианку, Баммат свою жертву, конечно, предает... за Кораном постарался укрыться этот низкий человек: от григорьевской участи не уйти бамматовским псам по „Кавказу“, когда Ата потребует *de rompre la liaison*... Я продолжаю...

Став эмигрантом, Баммат нанимается туркам, т.к. грузинская контр-разведка лишилась казны, а без субсидии Баммат служить не привык. Турки долго искали расторопного шнеца

кавказских дел; Баммата Ангора обласкала, в его карман полились звонкія турецкія лиры, и ему была дана задача: всеми средствами взорвать идею солидарности кавказских народов. Тот, кто знаком с делом шпионажа по архивам великой войны и, в частности, изучал работу турецкой контр-разведки на Кавказе, тому не предсавит больших трудов, читая статьи Баммата, в редакторе „Кавказа“ почувствовать и узреть турецкаго агента. Этот классическій прием, поручаемый иностранной контр-разведкой редакторство журнала или газеты верным агентам типа Баммата, был реализован немцами в Россіи в лице Ленина, а во Франціи в лице редактора „*Bonnet rouge*“ Д'Альмеренда, которому покровительствовал даже министр *Malvy*. Но к счастью для нас, турки, вообще, организаторскими талантами не отличаются и их работа всегда носит печать некоторой грубости, - для тонкаго глаза напасть на турецкій следи ликвидировать его особых затрудненій не представляет.

Спрашивается, как Амираджиби докатился до такой низости, чтобы стать соотрунником вышеназваннаго Баммата? Для того, кто знаком с уголовным прошлым нашего „героя“, его дружба с Бамматом не удивляет. О роли нашего „сѣятельнаго“ писаки в эпоху торжества черной русской реакціи я уже писал. Правдивость моих слов могут подтвердить свидетели, я заручился их согласіем... Имен пока не называю; я этого бандита знаю давно... В семье Тассо Магабели я был принят как свой... Шалва Амироджими имел настолько темную репутацію, что сей „моралист“ и грабитель церковей запятнал репутацію даже членов собственной семьи: никто иной, как его брат Ираклій стал жертвой этого бандита... Ему было отказано в руке Елечки Магабели, и двери вдовы Вано Магабели раз навсегда закрыты для „претендента“. Что делают братья Амираджиби? В анонимных письмах несчастная вдова Вано Магабели покрывается грязью. Я видел страданія этой несчастной женщины... Негодяй, писавшій анонимные письма, был никто иной, как Шалва Оглы Амираджиби. Сыну Тассо, Никуше, пришлось ветушиться за материнскую честь: раздалась звонкая пощечина; хотя ее получил не наш герой, а его брат, дело по существу не меняется т.к. автором анонимных писем был не Ираклій Амираджиби, а его старшій брат Шалва. Никуша погиб в подвалах „чека“ за Грузію, Шалва же Амираджиби продолжает свое гнусное ремесло клеветника и писаки анонимных писем. Что же удивительно, что клеветник чести семьи трагически погибшаго Вано Магабели, безработный, робкій по натуре, бандит панялся к турку Баммату и в мечети баммато-карумидзевской лжи, грабитель корталинских деревенских церковей превращается в эмигрантскаго Демьяна Беднаго...

Сегодня мишенью взята моя солдатская чеоть... Вчера еще

стрелы клеветы были пущены нашим Квазимодо против хранителя грузинской чести и свободы - Ноя Жордания... А еще раньше не были пощажены негодеям горе и покой такой святой женщины, как названная мною Тассо Магабели. Быть мишенью его ненависти нас может только радовать.

Характерно, что наш бандит на страницах своего журнальчика берет под свою защиту только двух битых генералов... На 99-й странице моей книги, со свойственной мне резкостью, я пишу о предательстве Ш. Карумидзе, с именем которого я связываю „Размие Сайдумло“ шециульцев. Наглости у грабителя карталинских церквей хоть отбавляй... Но взять под свое „покровительство“ своего старого и-ка советского агента Ш. Карумидзе даже Шалво Оглы не решился; ведь так пожалуй и палач Сталина, старого друга в эпоху горийских похищений можно реабилитировать, как делает это ближайший родственник Шалвы Оглы, там, у нас на Родине - Геронтій Кикодзе.

Если бы наш Демьян Бедный внимательно прочел мою книгу и дал бы себе труда в нее вникнуть, даже с уметственным багажем недоучившагося гимназиста, без труда можно догадаться, что я, когда пишу, не руководствуюсь ни злобой, ни ненавистью, а опираюсь на документы и свидетельства. Я человек любознательный - изучаю не только стратегию, историю, политику, но и архивы *Intelligence Service* всех стран и народов... *Herbert Fitch*, автор *Scotland Gard*, дал нам *dossier* того, кто был духовным отцом анархиста-грабителя карталинских церквей, теперешняго дьячка Шалва Оглы Амираджиби.

Говоря публично об измене ген. Одишелидзе, об уметственных и полководческих способностях нашего „Мтавар-Сулели“, как я называю ген. Квинитадзе, я слов по ветру не бросаю, от ответственности не бегу, называя Карумидзе провокатором, а сотрудника „Кавказа“ Шалва Оглы Амираджиби старым клеветником и грабителем; я моим пером восстанавливаю голое прошлаго и былъ. В архивах, покрытый грязью и пылью, я вытаскиваю интересующие меня грамофонныя пластинки и забытое прошлое Каинов и Геростратов перед аудиторией демонстрирую... Роль грамофонных пластинок в данных случаях играют главные свидетели или же *dossiers* преступников, с которыми я расправляюсь безощадно.

Начнем с Одишелидзе. Никто иной, как ген. Назарбеков в 18 году публично бросил в лицо ген. Одишелидзе страшное обвинение в предательстве. Эривань поддержала своего генерала. Кавказский сейм задрожал от испуга и волнения: из ненависти к Грузии и чтобы сильнее насолить нам дашнаки сознательно скрыли тогда имя не менее крупнаго предателя: два офицера русскаго генер. штаба были на службе у турок: грузин Одишелидзе и кубанец (вичевский, женатый на еврейке, вследствие

чего у потомка салоникских евреев, у Ататурка, последний пользовался особым доверием; он открыто вступает на службу Кемаля уже после Революции и играет решающую роль во время разгрома греков у Сакарин. Полк. Свичевский, уже турецким нашой, умирает в Стамбуле в 29 году. В настоящее время его дети воспитываются в турецком кадетском корпусе и сам Ататурк заботится об их судьбе. „Наша колония в Константинополе была возмущена, когда ей стало известно вероотступничество старика Одишелидзе“, говорил мне при свидетелях, не меньшевик Уратадзе, а человек правых убеждений - Ираклий Эристов; известно, что наш первый „главковерх“ перешел в мусульманство. Он был похоронен по мусульманскому обряду и турецкие войска отдавали воинские почести генералу Али-Паше (*aliases* Одишелидзе) - так именovala официальная Турция генерала-предателя. За какую службу генерал Одишелидзе заслужил воинские почести шовинистически настроенной Турции Кемаля? За верную службу Ангор. Сейчас становится понятным возмущение ген. Назарбека, становится понятным - почему этот - не „организатор“, а дезорганизатор нашей армии, сознательно ее предал, лишив нас конницы... „Нам нужны не кавалеристы, а авиаторы“, говорил предатель ответственным министрам.

Шпион опасен, когда он ловко и умно „гребет“. „Греб“ Одишелидзе с редким искусством и не менее редким цинизмом. Генерал-предатель знал, что модой дня тогда была авиация; он также знал, что Грузия создать воздушный флот не имела возможности: не хватало материальной базы и кадров. Иметь же стратегическую конницу из 3-х полков и дивизиона конной артиллерии мы могли; при наличии кадров создать весьма легко. Будь эта конница под Тифлисом у ген. Квинитадзе, когда я своей атакой сильно вспугнул Жлобу, мы не шатались бы в эмиграция. Моя статья, прошедшая через юнкерскую цензуру и сильно искаженная, появившаяся в 33 году в журнале „Междари“ видит причину нашего поражения именно в отсутствии у нас стратегической конницы. Если ген. Одишелидзе сознательно лишил нас конницы, то ген. Квинитадзе вследствие редкой своей глупости приложил свою руку в этом преступлении.

Не только умом, но и правдивостью ген. Квинитадзе никогда не отличался. Разве уничтожение грузинской конницы не было Одишелидзе-Квинитадзевским делом? Разве на запрос из Тифлиса, из Ахалцыха в начале 1919 г. ген. Квинитадзе не была послана докладная записка, в которой указывалось на бесполезность для Грузии содержать дорого стоящую конницу! С Квинитадзевским ответом меня познакомил в Ахалцыхе Подполк. Тевзадзе, штаб-офицер при Штабе ген. Квинитадзе. Можете ли вы, ген. Квинитадзе, со свойственной вам наглостью, эту истину отрицать? Ген. Квинитадзе так обнаглел, что высту-

пает судьей событий в конце 17 года... С грузинской эмиграцией он обращается как некогда со своими сибиряками... Кем вы были в 17-м году, г-н „ех“ Мтавари? В собственном полку вы числились в бегах: наученный горьким опытом первой революции, вы переоделись в те страшные дни в дедовскую черкеску и тихо, и мирно ждали у себя дома „у моря погоды“. Ваших серых, туркестанских горил обезоруживал Тифлисский рабочий класс, ведомый такими мужественными вождями, как Диди Валико, Александр Дгебуадзе, Наполеон Кахияни. Единственная регулярная часть, которая бок о бок боролась в те страшные дни вместе с Народной Гвардией против озверевших тогда ваших молодцов, русских солдат, от которых вы в панике бежали, была грузинская конно-горная батарея, которой я имел высокую честь командовать. Ни вас, ни Чхеидзе, ни юнкеров там в Саганлухах и у Арсенала в конце 17 года мы не видели. Не будь нас, наших жертв, вы бы еще полковником узнали крестный путь Духонина... Но от мелкого завистника и несправедливого начальника, каким всегда был и остался наш „ех“ Мтавари, благодарности ожидать нельзя. Сегодня он грязнит память погибших вождей Народной Гвардии, а вчера еще, в Ахалцыхе, всемогущий тогда временщик, ген. Квинитадзе, мерзко-премерзко расправился со старейшей грузинской частью: из-за звериной ко мне зависти. Вы не продавали бы сегодня мацони, г-н Квинитадзе, если бы вы не совершили „харакири“ над моей батареей и над грузинской конницей; под Тифлисом мы заработали бы вам маршальский жезл. Но вы предпочли войти в историю под именем „февральского бегуна“, чем быть первым маршалом Грузии. Гнусный завистник и большой честолюбец сильных, мужественных людей не долюбивал; его любимцами были: Деджахиа, Макашевидзе - они ему обязаны за низкопоклонство генеральскими чинами; Коля Гедеванов, Коля Сидомонов - Еристов, где они, кому служат?

Такова личность одного из „авторитетов“, если верить шантакету Шалвы Оглы... Более подробно я займусь личностью ген. Квинитадзе когда буду говорить о нем, как о полководце.

Перейдем снова к личности ген. Одишелидзе. Когда генеральское решение стало фактом, против уничтожения конницы встали два офицера: Полк. Воронович и я. Меня хотели добить, но убить правду нельзя; через страшную пытку пришлось мне пройти, но добиваю сегодня и изменника, и дурака я, т.к. жизнь показала, что правы были не генералы Одишелидзе и Квинитадзе, а Воронович и Цагурия... Ген. Одишелидзе, фактически военный министр Республики, играл в Грузии такую же предательскую роль, какую на Кубани совершал ген. Болховитинов. Но у ген. Болховитинова есть оправдание перед судом истории, так как он предавал Екатеринодар во имя Москвы, свободную

Кубань - во имя Великой России; не казак Болховитинов хотел до конца быть русским; грузин же Одишелидзе предал Родину и наконец кончил жизнь отступничеством от Креста и Христа во имя Магомета и Полумесяца. Для грабителя карталинских церквей, на службе у агента той Турции, ради которой генер. Одишелидзе так усердно работал, с уст должна была бы сорваться та ругань, которой он меня вознаграждает. Шалва Оглы Амираджиби, вы живете в стране, где люди, обвиненные в дезертирстве кончают самоубийством. Сколько вам было лет в 18 году; где и когда вы, молодой человек во цвете лет, в дни нашей независимости защищали Грузию? Ваша подпольная жизнь известна, (не забывайте, что Азеф также хвастался своими подпольными подвигами). Как может дезертир Шалва Оглы Амираджиби учить инвалида грузинской армии о воинской чести? Как может грабитель карталинских церквей, клеветник и писак анонимных писем, грузинский Демьян Бедный, „ex“ - заикаться о чести вообще? Вы, Шалва Оглы, зарвались...

Есть другой дезертир в эмиграции, котрому хочется также меня куснуть. Не так давно от вождя чіатуреких повстанцев Виктор Нозадзе получил если не физическую, то не менее звонкую моральную пощечину; когда мы на Родине гибли за честь Грузіи, сей муж в Берлине распевал „бравая жаміер“ в обществе наших палачей. Свое дезертирство В.Нозадзе в эпоху „имперіалістических боіи“, сей муж, я повторяю, об'ясняет идеологическими соображеніями, т.к. в те дни редактор „Картлоеси“ был убежденным ортодоксальным марксистом. Я хотел - бы знать на основаніи каких „идеологических соображеніи“ наш „верноподданный“ исторической династии об'яснит свою трусость в дни нашей независимости? Какой то рок преследует наших „верноподданных“. Исторія водительства самозваннаго генерала Кереселидзе закончилась плачевно: самозваннаго генерала заменил самозванный полковник, точнее - полковник грузинской охраны. Мы за наш поедужной список не красеем. Я хотел бы спросить охранника Маклакелидзе, за какия боевыя отличія русской пранорщик Маклакелидзе удостоен не чина, а званія полковника грузинской охраны? В старое время, спросите любого кадроваго офицера, когда офицер охраны, прежде, чем произносил свое званіе, добавлял „жандармскій“. Исторія всех народов и времен не знает случая, чтобы охранник лез в вожди, даже кубанскій диктатор, полковник Бастиа - бывший писарь строевой части. Но Грузія не Мексика, не Куба... Грузія не страна лже-Димитріев. Грузія-колыбель рыцарства и она понятія чести не забыла. Неужели участь разбойника Сталина отечественных уродов ничему не научила? Вожди наших „верноподданных“ люди без имени, без прошлаго; но политических амбицій и аштитов у Нозадзе - Маклакелидзе хоть отбавляй;

раньше цитатами из „Капитала“ К. Маркса они оглушали своих сверстников и аудиторию; с тех пор путь от исторического материализма к исторической династии этими политическими акробатами совершен ловкостью настоящих цирковых акробатов. Но это политическое „сальто-мортале“ Нозадзе-Маклакелидзе совершали тогда, когда партия ушла в глубокое подполье, когда одни ее мужественные члены гибли в холодных сибирских тундрах, а другие - в подвалах „чеки“, т.е. при обстоятельствах, когда от партийца требовались мужество и жертвенность, мошенники предпочли от партии отречься. Сегодня же, из храма славы нашего великого прошлого, мошенники крадут имена и доспехи героической династии Багратионов, и „верноподданными метеорами“, не стесняясь при этом ни обманом, ни низостью, заранее цинично меч и корона Ираклия II преподносятся юноше, отец котораго в дни нашей независимости был не кем иным, как ординарцем у Шкуро. От Шкуро отказалась даже Кубань... От сына генеральского ординарца вежливо, но твердо откажется и наша Родина. Героическая исчезнувшая династия, раньше, в период кереселидзевого водительства и наш легендарный герой „Белый Георгий“ вышеназванными мошенниками выставлены на всенародное посмешище.

Цыгане из „Картлосса“, подобно своим варшавским сородичам, в Тифлисе нам обещают большой „нозадзиевский карнавал“... *Toute épopée de tristesse provoque une période suivant de gaieté*, пишет знаменитый ученый *Hamon*... Этим, я думаю и кончится вся нозадзиевская затея.

Слушайте, Полковник-охранник Маклекелидзе, если вы покажете ваш послужной список „героям воздуха“ Бальбо и Герингу, они вместе с плевком швырнут его вам в лицо - подписывайтесь вашим настоящим чином...; ни Муссолини, ни Гитлер не стыдятся своих званій сержанта! Первый их получил (я говорю о сержантских нашивках) под *Isonso*, а второй на *Izer'e*. Три человека у нас в Грузии сделали молниеносную карьеру: Прапорщик Пхакадзе, прапорщик Маклакелидзе и прапорщик Цулукидзе. Первый оказался сталинским шпионом и провокатором; второй прохвостом, а третій неблагодарной свиньей. Подобно знаменитым кокоткам, тріо знаменитых прапорщиков имело своих покровителей, а у последняго, Комбрига Цулукидзе их было два: дядюшка и зять. Слабость к речам Комбрига Цулукидзе обнаружил еще в Тифлисе; самым большим его поклонником был тогда никто иной, как его бригадный комиссар - „товарищ“ Жук. Я вам советую больше скромности и меньше шума „товарищ Комбриг“ Цулукидзе: от вашего поведения будет зависеть поведение мое; не давайте волю вашей материнской, абхазской крови, иначе мое мингрельское „Маржа“ для вас будет роковым. Неудивительно, что в оркестре баммат-

карумидзеваго органа обер-капельмейстер по части клеветы и писанія анонимных писем Шалва Оглы у охранника и полицейскаго комиссара Маклакелидзе нашел „братскую поддержку и пониманіе“. Партія больше чинов и орденов давать не может; казна векселя „за *depenses urgentes*“ не может оплатить; отчего не последовать примеру Баммата: отчего, по амираджимовски, не писать пасквили на тех лиц, которым они обязаны всем. Но последователями Толстого мы никогда не были: на собачій лай и злобу мы бьем дубинкой и будем бить... Когда у нас снова будет и власть и казна, мы знаем, что вой пев утихнет, т.к. эта сволочь ни мужеством, ни честностью не отличается. На бирже международных шпионов Вешапели-Карумидзе-Амираджиби, это предательское тріо пользовалось и пользуется особенным вниманіем со стороны ответственных агентов русско-турецкой контр - разведки. Вешапели заплатил жизнью за предательство. Карумидзе и Амираджиби от казни также не уйдут; их казнит свободная, воскресшая Грузія. На чужбине провокаторов необходимо разоблачать, что я и делаю. С именем Карумидзе связана „Размис Сандумло“. Что за штука эта „Сандумло“. Если бы в 26 году не раздался выстрел Мерабишвили и предатель Вешапели не был бы убит... Какуца Челокаев из дутаго національнаго героя превратился бы в настоящаго народнаго предателя... Кто толкнул Челокаева на этот путь измены? Кто устроил свиданіе Челокаева с Вешапели и армянином - чекистом Пирумовым, резидентом и оком Берія, в Париже, в результате чего правая рука Челокаева Елизбар Вагнадзе получает визу на легальный в'езд в Грузію? На этот предательскій шаг толкнул Челокаева никто иной, как Ш. Карумидзе, сегодншній *fondé de pouvoir* газет „Кавказа“ и Кавказія“. Я знаю, как французы говорят „*au fond*“ условія чеки и ответ Челокаева. Знал об этом и наш Н. Рамишвили; вот почему изменники хотели убрать его.

Террористическій акт над Рамишвили должен был совершить Серго Манеурадзе. Со Сталиным Ш. Карумидзе связывала старая дружба; оба они были вождями „дамцемлистов“. Сталин прикрывался при этом идеей, а Ш. Карумидзе принудил заняться этим ремеслом голод. Исторія о фальшивых червонцах известна всем; но то, что многим неизвестно, это-книга „*Essad Bey*, автор „*Stalin*“. Я советую эмиграціи прочесть эту книгу. Когда честный патриот прочтет информацію о палаче Грузіи на стр. 108, 89 и 117 названной книги, гневу его не будет конца. Кто дал автору информацію о Сталине? Этот информатор никто иной, как провокатор Ш. Карумидзе. Ш. Карумидзе личным письмом даже обратился к Ласкорашвили помоч ему в этом деле. Ласкорашвили отказался; в присутствіи Ш. Неберидзе, и его жены, Ласкорашвили мне об этом заявил, когда, го-

да 3 тому назад, я у него ужинал. Если же сам Ласкорашвили прочтет когда-нибудь вышеназванную книгу, я думаю, провокатора Ш. Карумидзе он сам прочит за подачу заведомо ложной информации о нем: на стр. 109 вышеназванной книги описана такая трогательная забота Сталина о Ласкорашвили; я привожу ее текстуально, т.к. не всем дана возможность иметь „*Stalin'a Essad-Bey*": „*Staline lui-même donna secrètement l'ordre aux autorités responsables de ne pas poursuivre avec trop d'acharnements son ancien compagnon d'armes, Lascarichvili*". Палача выставляют, как рыцаря. Кем создана эта „ессед-бейская“ легенда о „Сталине рыцаре“? Почему действительный образ Сталина, данный нашим вождем, был сознательно фальсифицирован фальшивомонетчиком и провокатором Ш. Карумидзе? Кому она выгодна? Ответ один: Со дня своего появления в эмиграции Ш. Карумидзе был на службе у Сталина. Ему было поручено „*corrompre*“ Челокаева и ликвидация Рамишвили. Вместе с Вешапели друзья приступили к каинову делу. Что же касается Ласкорашвили, то забота о нем Сталина от начала до конца сознательная выдумка, т.к. его жена подверглась таким репрессиям, что о сталинской гуманности может говорить только предатель Карумидзе. Карумидзе - подобно Одишелидзе, хотел ловко и умно вести свою барку, но той выдержки, опыта и ума, кои у предателя генерала имелись, у него не было. Попалась „рыбка“ еще в Константинополе. Но если Ш. Карумидзе был глупее Одишелидзе, он значительно умнее своего подручного Ш. Амираджиби. Умным людям из нашего и врага сектора Ш. Карумидзе старается внушить, что из „любви к Грузии и во имя ее спасения он, Карумидзе, взял на себя роль двойного агента“; но, когда этот „двойной агент“ с места решает ликвидировать такую национальную величину, как покойный Рамишвили, то образ Азефа невольно встает перед вами. Чтобы из уст грузинского Азефа снова не слышать историческую фразу, русским Азефом прокзнесенную перед тем, как исчезнуть, а именно: „Правые дураки и левые болваны...“, повторяю, движимый исключительно этой целью, в моей книге я указываю на Карумидзе, как на опасного предателя. Чтобы нас, верных сынов Грузии, не продолжал бы дурачить уже мертвый Одишелидзе, я открыто встал против амирадживовских утверждений и называю их сознательной провокацией. За спиной Шалвы Оглы оркестром руководит обер-капельмейстер от провокации - грузинский Азеф - Шалва Карумидзе. Я знаю; что мишенью клеветников станет моя особа, но „волков бояться - в лес не ходить“; а быть на прицеле у врагов Родины не только меня забавляет, но и радует.

Дагестанская группа заступилась и за ген. Квинитадзе. Мечтой этой группы было и есть - при помощи турецких башибузу-

ков покорить Кавказ и объявить турецкаго „Гази“ атой кавказским - не „атой“, а „Пантой“ турецкій деспот был и остался для героической Грузии. Честолюбец, страдающий мегаломанией, как большинство людей его калибра, ген. Квинитадзе мнил себя полководцем, но таковым он никогда не был! В должности н-ка штаба, исполняя роль технического военного советника, подобно Куропаткину, Квинитадзе был еще терпим; но когда судьбе угодно было его испытать в большой исторической роли грузинскаго полководца, боевой ротный к-р Сибирскаго пехотинца испытанія не выдержал. Перед разбитым врагом, что сам Геккер не скрывает, наш „*mtavor-suleli*“ отдает свой историческій приказ об отступленіи. Командующій Саганлухским фронтом ген. Мазнѣев был так поражен этим приказом, что потребовал к аппарату Квинитадзе, чтобы не стать жертвой провокаціи. Ген. Мазнѣев в тот момент квинитадзевскій приказ иначе, как провокаціей не мог назвать. С „легкой руки“ Полк. *Heutsch*, любимца Мольтке Младшаго, на котораго немецкая стратегія сваливает ныне свое поражение под Парижем, любители исторических аналогій утверждают, что на решение грузинскаго Мольтке-Квинитадзе под Тифлисом отступать повліяло донесеніе грузинскаго п-ка *Heutsch*-Гедеванова и несчастнаго ген.-паникера Джадихіа. Нас аналогія не интересует; мы констатируем факт: Квинитадзе бежит от решившагося бежать советскаго военно-начальника Геккера; иначе, как *suleli*, грузинскаго полководца назвать нельзя, т.к. только убогій ум лихого ротнаго к-ра тому причина. Военная исторія знает не мало полководцев *à la* Квинитадзе. Под Саракамышем ген. Мышлаевскій тоже решил бежать, но роль н-ка штаба у русскаго генерала исполнял не ничтожество, подобно ген. Захаріадзе, а великій Юденич. „От великаго до смешнаго, говорил бог войны Бонапарт, только один шаг“; когда Юденич „шагнул“, то он шагнул к великому. Карьерист и большой интриган ген. Захаріадзе шагнуть не захотел, и перед своим начальником, ген. Квинитадзе, решил держать руки по швам. Больше всего названный генерал боялся и боится ответственности. И вот к авторитету этой личности обращается прапорщик Амираджиби и „*la forc*“ заговорит. Захаріадзе даже ротой под огнем не командовал. „*Un général battu est un chef disqualifié*“, пишет Фош. Но прапорщик Амираджиби про Фоша слышал, но с его научными трудами не знаком. Битые генералы для него - авторитеты. Архивы *Intelligence service* так характеризуют действия одного адмирала и генерала Антанты. Начнем с характеристики флотоводца адмирала *de Roebeck*. Он руководил операціями в Дарданеллах. „*L'amiral de Roebeck laissa sa flotte dans l'inaction. L'espionnage manqua durant la guerre, deux magnifiques occasions de changer toute l'histoire: des deux*

côtés du détroit des Dardanelles les canons restèrent muets durant 4 heures; si les anglais avaient eu des renseignements, sans perdre un seul homme, ils auraient pu attaquer triomphalement la capitale turque (191).

Говоря о действиях ген. Кадорна те же архивы продолжают: „*Dés l'entrée en campagne des troupes du gén. Cadorna, ce fut une foudroyante marche en avant... Mais l'avance italienne brusquement s'immobilisa. Le généralissime, alarmé des progrès trop rapides, crût à un piège... S'il avait eu quelques habiles espions à Triest, il n'aurait pas hésité un instant à continuer sa marche en avant. La prise de Triest en mai 1915 eût été un véritable désastre pour l'Autriche (195)*

На войне творчество полководца все. В стратегической фантазии и интуиции проявляется вся мочь стратегического гения великих мастеров войны. „Я знаю русских, говорит Гинденбург, когда фельдмаршал немецкий оставляет маленький заслон против армии ген. Рененкампа и обрушивается под Таненбергом на несчастного Саксонова. „Тухачевского погубит Варшава... он постарается „*singer*“ Суворова и Паскевича“, говорит польский маршал, когда в столице все, кроме него, потеряли веру и волю... Гений и воля Юденича под Саракамышем делают русских победителями. Для адмирала *deRoebek* и ген. *Cadorna* необходимы донесения шпионов, чтобы взять победу; они не водят, их „водят“.

Сделай наполеоновский шаг, не жди донесения шпионов, действуй... и тогда адмирал *de Roebek* стал бы вечной знаменитостью, выиграв мировую войну под Стамбулом. Тоже самое можно сказать насчет *Cadorna*. Стратегия не есть только наука, но и искусство и, как всякое искусство, требует вдохновенности... Это, конечно, не значит, что всякий „*exalté*“ может стать великим стратегом. „Полководцы рождаются, их не делают“, ответил Людендорф Гитлеру на предложение фюрера получить из его рук фельдмаршальский жезл. Мольтке Стар. говорил, что гений - это труд; величайшие полководцы: Александр Вел., Цезарь, Ганибал, Фридрих Вел. Наполеон, Мольтке Стар. всю жизнь учились... пишет ген. *Debeney* в своем капитальном труде „*La guerre et les hommes*“. Русская военная академия формировала не офицеров - носителей живой военной мысли, а доктринеров казенных формул и убогих плагиатов мертвых идей. Квинтадзе типичный представитель этой казенщины... На вопрос главы государства, почему *Mtavar Sardary* решил покинуть столицу, слепой последователь мертвых формул по заученной в академии шпаргалке быстро отвечает: „вот здесь перешел взвод; военная наука говорит, что там, где может перейти взвод, может пройти и рота и т.д... я боюсь за свой тыл и фланги“. Ген. Квинтадзе в академии зазубрил готовые

формулы, но не научился мыслить. Что было бы, если бы Гинденбург разсуждал так у Мазурских озер, а Пилсудский - когда красные заняли даже Ивангород? Адмиралу *de Roebek* под Стамбулом можно простить его чрезмерную осторожность т.к. вся оборона турецкой столицы была сосредоточена в руках такого крупного немецкого военно-начальника, как фельдмарш. *Liman fon Sanders*. Нерешительность итальянца *Cadorna* под Триестом также может быть оправдана, т.к. на противной стороне операциями руководил способнейший австрийский генерал *Conrad fon Hoetsendorf*. Но когда не осторожность, а трусость обнаруживает грузинский полководец перед командармом Геккером и своим бегством от победы Квинитадзе губит и армию, и страну, никакая защита не в состоянии отрицать квинитадзевскую панику. Квинитадзе сделал шаг в сторону смешного, а такие „полководцы“ должны иметь „*la pudeur*“ о себе не напоминать. Я в свою очередь спрашиваю Шалва Оглы отчего историки Авалов и Такашвили его любимцев под свою защиту не берут?

Большой авторитет и крупный военный писатель ген. *Debeney* о творчестве полководца держится такого мнения: „*Le commandement exige à la fois l'imagination et les sens des réalités; le dosage de ce mélange est une opération des plus délicates où le tempérament, l'instruction mais aussi la chance jouent leur rôle*“ (24).

Chance ов у ген. Квинитадзе было больше, чем достаточно. Сами большевики нишут, что ввиду угроз их коммуникационным сообщениям и **возможного взрыва всего тыла**, командарм Геккер решил Тифлис бросить и отступить... Боясь ловушки, большевики вошли в столицу Грузии только утром, часам к десяти. Победа можно сказать для большевиков свалилась с неба, т.к. ген. Квинитадзе в панике бежал от большой собственной победы... Бравый капитан сибирьской роты бежал от поручика пограничной стражи Геккера... и оба эти „полководцы“ друг друга стоят: цена им грош. В большой исторической роли Квинитадзе показал себя и смешным, и маленьким. Грузии он стоит очень и очень дорого: и эту роковую личность мы без боли сердца бросаем в стан „дагестанцев“.

Ех-шантажист, ех-писака анонимных писем, ех-дезертир и ех-грабитель карталинских церквей, Шалва Оглы Амираджиби, наш отечественный Демьян, даже заглавие моей книги передернул; дергать по своей воровской привычке он умеет с детства. Князь Амираджибов в детстве принужден был носить крестьянские лапти, а т.к. лапти как то к княжескому титулу идут весьма плохо, необходимы были деньги для покупки традиционных полсапожек и диагональных брюк. Работать честно Амираджиби, ввиду особых наследственных склонностей, ни-

когда не был способен; (заерзаешь на стуле, презренная тварь, от моего ответа); горійское же ремесло еще издавна в семье шакала считалось фамильной индустріей. Раньше предки Шалвы Оглы гнались за приданным дочерей богатых армянских лавочников, веледствие чего наш „герой“ лицом более похож на ахпера из Эривани, чем на потомка карталинских феодалов. Родился он, чтобы быть лавочником, стал затем грабителем и умрет как предатель.

От Амираджиби прет не только лавочником, но и прапором маршевых рот горійскаго гарнизона: иначе нельзя об'яснить убожество его знаній и того, что мч, кадровые офицеры, называем воинской этикой. Он не устоял от соблазна и к моему законному званію „Сирдар“ с злорадством приклеивает еще чин „Colonel“...и, как полагается старому мошеннику, не краснея, публично меня высмеивает: вот, мол, Цагурия-Сурамели так себя именует и величает. Шалва Оглы, в моих жилах кровь армянских лавочников не течет. Ни обликом, ни лицом на ваших эриванских родственников я не похож; мои предки ни грузинской кровью, ни грузинской честью, ни грузинской совестью не торговали. Родился я не лавочником, а воином; грозную школу солдата прошел не в глубоком тылу, а в боях - и жестоких, и кровавых. Полковником я кончил службу в Грузинской арміи и в качестве к-ра Коннаго полка Нар. Гвардіи вечером 24 февраля 21 года, эскадроны полка водил в конную атаку под Норіа против конницы Жлобы. Власа Имнадзе об этой героической атаке говорил публично, кода один из негодяев, подобно вам, захотел меня лягнуть после моего выступления на габаевском докладе. Где вы были, Шалва Оглы, в те дни, когда я с оружіем в руках защищал честь и свободу Грузіи и падал окровавленный от большевистской пули? В духане гремело „Мбравая жаміер“ и вы толумбашествовали... не такли Оглы? Ах! сукин сын! И вы, негодай, смеетесь над моим прошлым. Сирдаром Гаре-Кახетіи я был назначен в самую жуткую эпоху нашей національной жизни. Я рисковал не только своей жизнью, но и жизнью моих сестер и братьев... ведь у нас не было в семье такого покровителя, как ваш чекиет - зять Геронтій Кикодзе, правая рука обер-палача Грузіи Филдша Махарадзе. Воинская этика не разрешает употреблять „Colonel“ и „Sirdar“ в одно и тоже время; это было бы просто чепухой; отчего эту чепуху вы мне приписываете? Я вас спрашиваю мошенник, карманщик, органищик, прапорщик Шалва Оглы. Это одно. Отчего наш бамматовскій Демьян отказывает мне в праве именовать себя *Sirdar*'ом воставшей Грузіи? Почему никогда не произведенный в генералы Чхеидзе может себя именовать генералом нашей арміи? Чхеидзе выступил на войну с чином полковника с назначеніем его н-ком нашей военной школы; по нашей конституціи, повто-

рю, в силу наших законов, полк. Чхеидзе автоматически стал законно именоваться генералом. В самую героическую эпоху нашей великой истории, вновь повторяю, я был назначен Сирдаром вставшей Грузии. Как я руководил востаніем - об этом мы поговорим в конце моего письма. Сейчас я хочу только установить историческую правду о том, что я был назначен Сирдаром Горе-Кахетии после ареста *Didi Valiko* и должен был там руководить востаніем. Этот факт не может отрицать даже наш „ахпер из Эривани“, писака Шалва Оглы. Почему, спрашивается-старейший в эмиграции к-р отдельной грузинской части, по службному списку которого может позавидовать вышеназванный Чхеидзе, не может после этого себя именовать Сирдаром? Ведь я командовал отдельной Конной батареей еще тогда, когда ваш „авторитет“ сидел под замком за участие в Корниловском заговоре, и о Грузии тогда ген. Квинитадзе думал так, как ваш ага, Баммат думает о нашей св. Церкви сейчас. То, что Квинитадзе, Захариадзе и Одишелидзе родились раньше меня - это одно, а говорить о том, что они были родоначальниками нашей армии, это другое... Родоначальниками Грузинской армии были три офицера; их имена: Вашакидзе, Чавчавадзе и Цагурия. Между нами разница состояла только в том, что ни Вашакидзе, ни Чавчавадзе свои прекрасные полки от большевистских заболеваний не смогли уберечь, а я свою часть не только спас, но и уберег... Ни Жордания, ни Гегечкори, ни Чхенкели, от имени Закавказскаго Комиссариата благодарившие нас, Конно-Горцев, за верную службу, не могут не подтвердить правдивость моих слов.

И, наконец, третье: у Шалвы Оглы есть претензия „*passer*“ за журналиста. „Кавказ читает и русская эмиграция; в библиотеке правой газеты „Возрождение“ „Кавказ“ имеет даже свое дено! Как Баммат добился этого? Старья, вороцовекия, полицейскія связи контр-разведчику помогли... Аллах это ведает. Я продолжаю. Нельзя писать такую чепуху, в качестве заглавія, как „Меньшевистскіе Наполеоны“ и вот почему... Это такая же чепуха, как, например, если написать „Огненная вода“ и т. под. Одно другое отрицает. Когда Первый Консул стал императором, то он даже свое христианское имя переменял: из Николай ген. Бонапарт превратился в *Napoléon*. С умственным багажом недоучившагося гимназиста, для Шалвы Оглы, конечно, это новость: вы слышали звон, да не знаете, где он, бамматовскій Демьян. Если Шалва Оглы, по приказанію турка Аги вы хотите меня, хотя и внасмешку, во что бы то ни стало, пришить к лаврам великаго корсиканца, то грамотнее было бы меня называть не „меньшевистским Наполеоном“, а „меньшевистским Бонапартом“, т. к. с именем ген. Бонапарта связана еще надежда стать „императором“. Помните, что Наполеон - предел дос-

тигнутого честолюбія, и прилагательныя „меньшевистскій“ или „бамматовскій“ указывают только на убогость знаній нисаки. Шалва Оглы, я думаю, в это случае, даже Демьян московскій грамотнее вас; Тухачевского он иначе, как неудачливым Бонапартом не называет. Мой гоголевскій герой, вы даже чина прапора не заслуживаете: званіе „деньщик подвел“ вам и к лицу, и к месту. Ах! ахпер жан... *vous êtes grotesque*, когда все тревожите покой великаго Императора... Материнская кровь дает чувствовать - не правда ли? Ни пером, ни шашкой умело вы не владеете.. Лавочник Шалва Оглы, где ваш дедовскій аршин? Не портите бумагу пером, меряйте „парчу“ армянским аршином .. или же садитесь за учебу и, пржде, чем писать, *apprenez* грамоту.

Посылая мою книгу в Москву Сталину, я ее препроводил е такой надписью (наверно эта надпись уже известна редакторам „Кавказа“ и „Кавказія“): „Слушай, палач, сын славы и вечный жених смерти, я всегда плевал и плюю на угрозы Москвы“.

Слушайте, баммато-карумидзевско-амираджибовскіе шакады, от моей матери я унаследовал мужественную кровь легендарных іерархов нашей св. Церкви; от отца - мудрость, чистоплотность и стойкость грозных мингрельских Азнауров. Вашей жертвой я никогда не буду... Я на вас всех публично плюю. Железом и кровью будет подавлена нами, верными солдатами Великаго Валико, ваша провокаціонная деятельность, если вы решитесь перенести ее в воскресшую Грузію... Кто такой *Sirdar* Цагурия?.. Это тот солдат, который писал исторію страны не чернилами, а собственной кровью под Батумом, под Садохло, под *Didi-Zilo* и Вазіани. Безпощадны мы будем не только к предателям на службе у Кемаля, но и по отношенію к злодеям амираджибовскаго типа, баммато-карумидзевских бродяг... Я верен не Москве, не Ангоре, а Тифлису... иду не за Сталиным, не за Кемалем, а за Ноем Жорданіа. Я убежденный социалист, но не марксист*, верующій христианин, а не прикидывающійся дьячок. Храмов божьих, подобно Шалва Оглы Амираджиби, никогда не грабил; честным матерям и богатым купцам анонимных писем с требованіем денег не посылал... Мой послужной список солдата - вот он: кончил Царскій Кадетскій корпус и Артиллерійскую школу в начале войны; был выпущен в Императорскую полевую конную артиллерию в чине Подпоручика в 1914 г. Здесь я попрошу читателя обратить особенное внима-

* „Есть две концепціи социализма, пишет Профессор Hamon: „K. Marx et Lassal - autoritaire, centralisateur et étatiste; celui de Bakounine — libertaire et fédéraliste. Я враг и Маркса и Бакунина, но верен Хомераки. Земельную, хомераковскую реформу я считаю не партийным, а общенациональным достояніем. Все, кто посмеет на нее посягнуть, будут безжалостно нами раздавлены: Грузія построит свой социализм без историческаго материализма и без исторической династии. Таков мой не международный, а исключительно грузинскій социализм.“

ніе: в рядах Царской Арміи и Гвардіи - в конно-артиллерійских частях, в количестве 40 конных и конно-горных батарей, служили в качестве офицеров только 4 человека грузин; их имена: Эристов, Авалов, Вачнадзе, Цагурия. Не родовитость крови, а аристократизм ума требовались от юнкеров артиллерійских школ, чтобы взять вакансію по окончаніи у-ща в конныя батареи; ни Одишелидзе, ни Квинитадзе, ни Захаріадзе этой чести при этих обстоятельствах удостоиться не могли. Я этой чести удостоился. Всем известно социальное положеніе моего отца; без протекции и связей, я пробил себе дорогу сам; правдивость моих слов может подтвердить ген. Саша Эриегов. Как я себя вел под огнем в дни „великой бойни“, видно из Альбома Георгіевских кавалеров ордена св. Георгія и Георгіевского оружія, изданнаго не меньшевистким правительством, а Югославским отделом Обще-Воинскаго русскаго Союза. На 133 стр названнаго Альбома описаны мои подвиги, за что я был награжден вышними офицерскими Георгіевскими наградами. Гордо и громко заявляю, что, будучи единственным грузином в рядах Царскаго дивизиона, я был единственным, получившим белый крестик... Во всей Императорской конной артиллеріи только 9 офицеров удостоились быть награжденными и крестом, и оружіем; в числе этих 9-ти и имя того офицера, котораго прапорщик-дезертир презрительно именуєт „меньшевистским Наполеоном“. А т.к. я ни хвастунишкой, ни фальсификатором ни монет, ни правды, подобно Карумидзе и Амираджиби, никогда не был, то, в подтвержденіе моих слов, я указываю и на источник: на 187 стр. Альбома поименно названы фамиліи офицеров Импер. Конной артиллеріи; в Париже живет русскій генерал с грузинской фамиліей - Ангуладзе; у него читатель может убедиться в правдивости моих слов.

О моем участіи в большом историческом деле, имеющем міровое значеніе, о подавленіи іюльскаго востанія большевиков, писала не так давно русская пресса. Б. Никитин, автор книги „Рокковые-годы“, недавн вышедшей в Париже, препроводил ее мне с такой лестной надписью: „герою историческаго востанія“. В начале 138 стр. автор, котораго я никогда в эмиграціи не видел, пишет обо мне, как о герое іюля в Россіи. Таково прошлое „меньшевистскаго Наполеона“.

Когда я прибыл в Тифлис в августе 17 года за мной было большое боевое прошлое, и, малоизвестная фамилія Цагурия* после іюльских событій стала носительницей оольшого историческаго имени. Такова правда о Капитане Цагурия 17 года.

Командующим грузинской Конно-горной батареей, с прика-

* Давшая Западу и Азіи четыре знаменитых рода: в Испаніи - герцогов „Сагура“, во Франціи - графов „Сегур“, в Японіи - знаменитых самураев баронов „Цагури“ и в Тибетополноводца „Цагур“.

зом немедленно приступить к формированию, я был назначен после подавления исторического востания; вследствие чего в эмиграции и там у себя на Родине *Sirdar* Цагурия (а если ген. Вашикидзе жив, то он) является старейшим начальником отдельной грузинской воинской части. Ген. Квинитадзе командовал пехотным Туркестанским полком, и ему пришлось спастись от „товарищей“, когда я имел честь в Сартагалах командовать первой грузинской национальной артилл. частью. Русские солдаты так испугнули генерала, что наш будущий *Mtavari* решил облачиться в дедовскую черкеску и бежать. Мне же от моих солдат бегством спастись не пришлось. Беглецом был не *Sirdar* воставшей Грузии, а исторический беглец 24 февраля, названный мною „*Mtavar Suleli*“.

Моя служба Родине в эпоху нашей независимости известна всей Грузии. От врагов Грузии я на службе Родине получил самую дорогую награду: две штыковых раны и большевистскую пулю. Сегодня лучший стрелок „дагестанской группы“, по части клеветы, Шалва Оглы получил бамматовский приказ: взять на прицел мои раны и пустить в них заранее отравленные стрелы клеветы. Заказ исполнен в точности... Клевета пущена... очередной пасквиль написан... Турецкие лиры получены... Но враги забыли сознательно их и мое прошлое... Я человек не из пугливых, и родила меня великая грузинка... В феврале месяце, когда я, раненый в конной атаке, падал с коня у *Didi-Zilo* от пули Жлобинских „молодцов“, в Сураме, в отцовском доме, умирала моя мать... Конный полк Н. Гвардии через Сурам отступил уже без меня... Убитый горем мой отец старик тщетно искал меня... В таких случаях порядочные люди боятся говорить правду: никто не знал - был я жив или мертв. Не выдержал старик и, потрясенный горем, застонал у постели умирающей верной подруги жизни, моей матери... и здесь, подобно легенде, встает та великая мать-грузинка, образ которой так часто воевал наш Илья. Умирающая мать, со слов моих, на смерть напуганных сестер, с такими словами обращается к плачущему отцу: „не плачь, старик; если красные убили моего сына, скоро, очень скоро я покину сама грешную землю и там, у подножия Божьяго Престола, за своим Ираклием, материнских ласк не пожалею. Если же он жив, я тебе запрещаю оплакивать моего мальчика. Пусть мой Ираклий знает, так ему передайте, что мать ему завещала непримиримость к злодеям из Москвы“. Такова была воля моей умирающей матери. В жилах моих течет, господа дагестанцы, кровь этой мужественной женщины! Ни клеветой, ни угрозой взять меня невозможно. Шалва Оглы! моя мать дезертирам жизнь не давала; проституток не рожала (я думаю вы меня поймете - на что я намекаю)... Меня проглотить невозможно. Вас раздавить мне больших усилий не будет стоять...

За вами Москва... Турція... Сталин... Кемаль... За мной вся Грузія...

Почему мое публичное утверждение о предательстве Одишелидзе так взбесило „Дагестанцев“? Почему за правду Шалва Оглы-дезертир с такой ненавистью нападает на меня? Я своим выступлением взорвал дьявольский план наших „замаскированных патриотов“ типа дагестанских янычар. Живой Одишелидзе, на вопрос нашего Великого Валико - почему он на Родине (я говорю о генерале-предателе) утверждал обратное... и почему его, генерала, и тон, и язык, и поведение в Константинополе совершенно изменились... - старый предатель дал такой ответ: „В Тифлисе я вас сознательно дурачил“. Замените слово „вас“ словом „Грузія“ и тогда всякий честный человек скажет, что *Sirdar* Цагурія прав; что Одишелидзе был не только предателем, но самым мерзким циником. Даже циник *Talleyrand* перед Одишелидзе человек святой... Умирая, в письме, адресованном своему племяннику, *Talleyrand* пишет: „меня, дворянина, дворянство считает изменником за то, что я голосовал за смерть короля, Ватикан считает меня зг двойного изменника за то, что в качестве епископа и католика я Христу не изменил, а только отрекся от папы римского... Бонапартисты меня ненавидят за то, что в качестве ответственного министра Империи, я предал Наполеона... Правда на стороне моих врагов... Но мои хулители забывают, что я предавал Короля, Церковь, Императора-когда Бурбоны, Прелаты и Бонапарт своим поведением предавали Фрацию... Из любви к Франції я предавал своих господ“... Одишелидзе же не нашел ничего другого, как, „для оправдания“ своей низости, бросить в лицо возмущенного мученика, подобно Азефу, мерзкую фраз: „я вас сознательно дурачил“. После моего смелого заявления о предательстве ген. Одишелидзе, какая цена мемуарам этого негодяя? В чьих интересах работал дезертир Амираджиби, когда этот преступник с уголовным прошлым, повел свою кампанию в органе турецкого шпиона Баммата, кампанию лжи против личности Н. Жордания? Моим выступлением об Одишелидзе я нанес такой удар „дагестанцам“, что мертвый Одишелидзе нас дурачить не сможет; как французы говорят: „*j'ai coupé court*“ à une telle possibilité.

Прежде, чем писать о моей воинской чести, дезертир Амираджиби должен иметь элементарное понятие, вообще, о чести. Насчет моей воинской чести писалось в Грузии не меньшевиками, а человеком таких правых убеждений, как Дмитрием Чибровым; не на страницах „Борьба“, а в органе национал-демократов „Возрождение“. В декабрьском его номере описана моя атака на вражескую пехоту. О моей воинской чести говорят две штыковые раны, наивысшая награда для солдата... Среди амираджибовских героев с таким прошлым офицера найти не толь-

ко трудно, но (без хвастовства могу сказать) невозможно... На службе Грузіи, Конная батарея, которой я имел честь командовать, один только ея офицерскій состав имел такія потери: двух офицеров убитых и трех раненых. Цифры показательны: ни одна батарея всех армій міра в такой короткій срок не видала и даже не мыслила о тиком % потерь офицерскаго состава. Патологическая травля и ненависть не являются символом силы и правоты, господа беесы бамматовскаго окруженія... Вот если бы, подобно Одишелидзе, я дурачил бы Грузію, подобно Квинитадзе, бегал бы от собственой победы; подобно Челокаеву, прошел бы школу офицера стражи и показал бы свою удаль в ловле разбойников в кахетинских лесах, своим преждевременным выступленіем осенью 22 г., которое иначе, как безуміем назвать нельзя, я погубил бы востаніе августовское... и в эмиграціи нанялся бы, как последній негодяй на службу Баммата, продал бы свою грузинскую совесть и солдатскую честь, тогда в стане предателей моим „Наглія“ был бы никто иной, как наш „герой“ ех-дезертир, ех-писака анонимных писем, ех-грабитель церквей в Карталинні, грузинскій Демьян, Шалва Оглы Амираджиби: т. к. „Диди Ага“ этого от своего подручнаго-Квазимодо потребовал бы... Ах! скоты... Ах! мерзавцы

Меня испытала Грузія в должности н-ка отдельной части под Садахлом и *Didi-Zilo*; материнское доверіе я оправдал с риском собственой жизни и ценой пролитой крови. В большой исторической роли Родина меня испытала в качестве *Sirdar*'а воставшей Гаре-Кахетіи. Исторія дала задачу, которую веком раньше меня Цесаревич Александр пытался осуществить. Подобно цесаревичу, я был побежден, но не пленен. Три раза я писал о Великом Августе. В августе 26 г. в „*La revue Belge*“ появилось описаніе востанія под названіем „*Le Calvaire de la Géorgie*“. Частично оно было воспроизведено в 29 г. в органе наших юнкеров. Наконец, в день 10-летияго юбилея, прошедшая через цензуру и сильно искаженная, появилась моя статья в августовском номере 34 г. журнала „Независимая Грузія“. Описывать само востаніе, значит вновь повторить сказанное. Я останавлиюсь на причинах, погубивших наше великое національное предпріятіе е, осветив их, тем самым дам публичную, моральную пощечину наглому Амираджиби. Есть две категоріи причин, погубивших наше востаніе. Первую категорію причин нужно искать исключительно в области народнои психології, а вторую искать в области стратегических возможностей и ошибочно, и вредно т. к. востаніе - одна из форм гражданской войны и имеет больше соприкосновенія с психикой, чем со стратегіей. Эту вторую категорію причин нужно искать в области тех оперативно-исторических ошибок военно-политическаго характера, которыя мы совершили в момент востанія и осенью 22 года.

Перспектива исторического успеха была сильно поколеблена влиянием этой категории причин, а после ареста Валико, под влиянием первой категории причин, наша победа сделалась невозможной. Чуткая душа и живой ум Евгения Гегечкори правильно учли обстоятельства, когда год спустя после востания, наш министр мне говорил: „После ареста Валико я сказал друзьям, что востание нами проиграно“. Не Челокаев, а наш Велико мученик был Божьей милостью, народным Вождем. На Челокаева политические честолюбцы наклеяли ярлык национального героя, каковым он никогда не был. У национал-демократов была программа, амбиция, жажда власти, но народная масса за партией не шла. Легенда, созданная вокруг личности Челокаева, преследовала определенную цель: сплотить за Челокаевым массы. Эта попытка кончилась крахом. Челокаев начал блефом, кончил чуть не изменой; личность роковая и вот почему: после длительных переговоров и перенетий, благодаря такту и уму Химшиева и Мухелова, в 22 г., наконец, был создан объединенный, подпольный, военный комитет. Члены этой группы почти все пали смертью мучеников. Наш же собственный военный комитет поддерживал связь с Химшиевым через меня. Я лично получал директивы от видного члена нашей военной организации, которого, по конспиративным соображениям, будем называть именем *Noské*.

Секрет победы зависит от ряда всевозможных случайностей. Германская стратегия не могла, напр., предвидеть такую роковую случайность, как появление на Марне полковн. *Hentsch'a*. Полководец обнаруживает гений, когда он своим „творческим упрямством“ такія непредвиденныя случайности чувствует и принимает меры к их ликвидации. В гражданской войне эта стихия случайностей принимает характер психо-космических ловушек... Стратега заменяет психолог. Ленин победил Колчака, Деникина, Врангеля не потому, что был гениальным стратегом, а потому, что был талантливым психологом. Белые всегда в области психологии были младенцами. Но когда красный диктатор встретил в лице маршала Пилсудского талантливого стратега и большого психолога, красная Москва была бита поляками.

Мы получили (Г.Химшиев и я) в начал 22 г. от *Noské* предложение приступить к разработке плана востания в всенародном масштабе. План этот нами был составлен и лично мной передан *Noské* [это может подтвердить доктор Юсиф Цанцадзе]. Расходился я с Гоги только в одном: я решительно настаивал на взрыве всех мостов от Тифлиса до Гори. „Это безумие“, говорил он, „ты хочешь уморить голодом Тифлис“. Я твердо стоял на своем и вот почему: в сердце Карталинии жили враждебно настроенны нам осетины; взрывая мосты, этим самым - в области психологических ловушек и материальных возможностей

элемент нашего успеха и перспективу победы мы не только укрепляли, но и ускоряли, т.к. первенство инициативы принадлежало Тифлису, ибо по нашему плану востаніе начиналось именно в столице. Мы настаивали, чтобы партійныя организациі решительно боролись с партизанщиной, и отдельные вооруженныя выступления в корне прекратить; преждевременное выступленіе Челокаева осенью 22 г. нанесло нам такой удар, что даже предрешило участь нашего августовскаго востанія... Удивительно то, что из національнаго пораженца за это безуміе наши правые объявили Челокаева всенародным героем... и с этим историческим чувелом хотели выступить в дни Вел. августа, как знамя исторической Грузіи. Но здесь наши правые встретили суровый отпор со стороны Коте Андоникова. Кандидатуру Челокаева на должность „Главко-верха“ востанія провалил я; за то правые провалили мою кандидатуру руководителя востаніем в Тифлисе, точнее-руководство действиями броневиков, где у наших правых были свои люди. До ареста мученика Валико я предназначался для довольно скромной задачи: обезвредить палача Оржоникидзе. С арестом Валико вся тяжесть риска и успеха востанія падали на мои плечи, когда в исторической роли *Sirdar*'а Гаре-Кахетіи, мне пришлось повторить попытку моего царственнаго коллеги, Цесаревыча Александра. За восемь дней до востанія мой штаб уже работал в Патардзеулах; штаб состоял из 3-х боевжх офицеров, имена которых сейчас названы быть не могут. Я лично принимал местных вождей возможных повстанцев. Один из таковых, вождь Пшавов побывал также... На мой вопрос, поддержат ли меня Пшавы или нет, последній ответил так: „Года два тому назад Пшавы поверили Челокаеву, поддержали его и выступили вместе с ним против большевиков... и затем сильно раскаялись, т.к. Челокаев их предал и бросил на произвол судьбы... Наученные горьким опытом, Пшавы предпочитают осторожность... и поддержат меня, когда артиллерія красных будет нами взята“. Участвовал в беседе и Старика; его в эмиграціи нет, но он жив. Я ему на это резко ответил: „Если мы артиллерію красных заберем без Пшавов, то дальнейшій марш на Тифлис нами будет совершен без них. Потерпев поражение под Вазіани, что я делаю?.. Повстанцам даю директивы временно укрыться в Борчало. Сам с двумя верными людьми пробираюсь в начале сентября в Тифлис. Около Вазіани, в железнодорожной будке нас арестовывает конная застава русских. С оружіем в руках мы пробиваем себе дорогу. Оба мои спутника живы; их в эмиграціи нет; называть их нельзя. В Тифлисе я связываюсь с Солико Залдостани. На конспиративной квартире я встречаюсь с ним и Ишхнели, с политическими друзьями Шалвы Оглы. Ночью тревога; Ишхнем остается, Залдастан и я бежим; *nous avons échappé belle*, как говорят

французы. В Тифлисе враг торжествует: весь состав нашего комитета независимости попадаетея; появляется возваніе; ценой этого возванія чека прекращает массовые разстрелы. И вот в такой момент Тифлис узнает про бесполезный налет Челокаева на Дуцеты. Повторяется исторія *à la* Буденный в эпоху русско-польской войны. У Манглиса Челокаев блефнул и захотел поздновато „хвастнуть“ у Душета. Всякій грамотный человек иначе, как эпизодом (причем эпизодом жалким) эту Челокаевскую „удаль“ под Душетом назвать не может. Получаю от Залдастани записку с предложеніем во главе группы молодых людей с оружіем в руках идти на помощь Челокаеву, на что я ему ответил: „Мы с тобой люди обреченные; востаніе мы проиграли; нам остается умереть красиво, если нас чека зацапает. То, что Челокаев делает под Душетом, после нашего краха под Вазіани и Манглисом, иначе, как эпизодом назвать нельзя... Наше новое выступленіе в Тифлисе, после возванія паритетнаго комитета, вызовет новую кровавую расправу; на себя такую ответственность не могу взять“.

Маіэр Залдастани бестный человек; я обращаюсь к его совести и спрашиваю: пишу ли я правду?

Перейдем теперь к утверждениям бамматовскаго пса Шалвы Оглы, нашего Демьяна Бедиаго: „Как представитель „Паритетнаго комитета“ и участник востанія, я публично заявляю, что „*Colonel Tsagouria de Sourami*“ должен был принять участие в востаніи и, как меньшевистскій кандидат, должен был заменить В. Ожугели после ареста послѣдняго. Но не только „*Colonel de Sourami*“ в востаніи никакого участія не принял, но даже до места своего назначенія не дошел... Таков „Сирдар“ воставшей Грузіи „*Colonel Tsagouria de Sourami*“...“

То, что Амираджиби с детства привык играть со своей совестью, об этом уже говорилось... иначе предатель обо мне не мог и писать... Ведь не надо забывать, что Шалва Оглы Амираджиби на службѣ у агента турецкой контр-разведки Баммата бей. Турецкая контр-разведка работает совместно с московской чека. Ведь Москва и Ангора союзники; союзниками стали, как по команде, Баммат и Карумидзе. Враг знает, что я человек быстрых решений и решительных действий. Мне всего 43 года; я работаю над собой очень и очень упорно. Если преждевременная смерть меня не унесет, смело могу сказать, что в моем лице Москва и Ангора встретят опаснаго и весьма опаснаго противника... Кроме ругани и клеветы от платнаго сотрудника турецко-советскаго журнальчика Шалва Оглы Амираджиби, я иного отношенія, при данных условіях и ожидать не мог. Но... удивительная случайность! Какая то неведомая сила идет ко мне на помощь: в июне м-це Шалва Оглы пишет пасквиль обо мне, и в июне же появляется книга Б. Никитина „Роковые годы“, кото-

рой автор ведаєт міру о безстрашіи Кашитана Цагурія, *allias* того Сирдара Цагурія, котораго старається так чернить бамматовскій Демьян.

Известно, что историческія воспоминанія имеют тем большую цену, чем правдивее изображают они описываемыя событія; но известно также, что духовный мір имеет такія же эпидеміи, как физической. Искать же историческую правду в писаніях Шалвы Оглы безползно, т.к. Амираджиби всегда руководствовался не чувством благородства, а практическими расчетами: Амираджиби *est un animal imitateur* От него сильно несет московским Демьяном, и, подобно сталинскому певцу, сотрудник Баммата, Шалва Оглы, на клевете зарабатывает турецкія піастры. Животное любит и вонять, и вилять хвостом: „тот, кто больше заплатит, тому и служу“. Таков издавна амираджибовскій дезиз. Эту коммерческую жилку и заинтересованность наш Оглы унаследовал от своих предков по материнской линіи, от армянских торговцев-лавочников.

Но оставим благородную даму „метафизику“ в покое и перейдем снова к фактам. Видимо моя книга среди платных агентов турецко-советских контр разведок вызвала настоящую панику, если даже наш Демьян Бедный решился на такую низость. Моя бомба, видимо, разорвалась *à l'endrait iniqué* и стрелы правды, пущенныя мною, безжалостно задели авторитет и репутацию „героев“ дагестанских янычар, если даже бывший грабитель карталинских церквей, при дневном свете, решился на столь безцеремонную фальсификацію исторической правды... Церкви карумидзевская шайка грабила ночью... На мою честь они решаются напасть, хотя и издали, но среди белаго дня... Сегодня мы боремся живым словом, завтра обменяемся выстрелами; я с одинаковым искусством владею и первым, и вторым... Но перейдем к делу; забудем уголовное прошлое преступника и будем помнить одно, что Шалва Оглы в 1924 г. был членом паритетнаго к-та, и для него, значит, авторитет председателя этого к-та остается незыблемым и решающим, иначе была бы непонятна эта самореклама нашего Оглы и упоминаніе, что некогда и он, скотина, „Рим спасал“. Котэ Андронников, не член к-та, а его председатель, не по заказу Баммат-бея, и не в Париже, а в Тифлисе, не боясь смерти, швырнул сталинским судьям гордые слова: „Мы были достаточно подготовлены, чтобы победить... и победили бы, но преждевременное чіатурское выступленіе, которое уже отметил Ясон Джавахов, предрешило наше поражение. Чіатурское выступленіе произошло днем раньше; власти приняли меры и наша главная задача-захват красной артиллеріи у Вазіани, вследствие преждевременнаго чіатурскаго выступленія, мы были не в состояніи осуществить...; не будь этого, задача захвата всей русской артиллеріи нами была бы приведена в исполненіе“ (дословный перевод „Брзолисхма“

№ 46.

Коте Андроников предвидел возможность появления в эмиграции негодяев амираджимовского типа и еще в 1925 г., не боясь смерти, рапортует совести вечной правды, и потомству говорится, что не будь Чиатуры, *Sirdar* Гаде-Кахетии Цагурия принес бы Грузии победу и освобождение. Как мог вождь востания произносить такие слова, продолжать мне верить, если я, как утверждает бамматовский Демьян, *alias* Амираджиби, даже до места своего назначения не дошел? Не я, а Коте Андроников бросает в лицо Амираджиби обвинение: „Ты лаешь по заказу, бамматовская сука“! „У клеветы короткия крылья“, забыл эту мудрую поговорку бамматовский Демьян. Лейтенант Накашидзе дает такое показание московским палачам: „С полк. Цагурия я встретился в Патардзеулах; от него получил задачу направиться в д. Сагареджо и разузнать поддержит ли нас Конный грузинский полк или нет“. Позиция Конного грузин. полка меня сильно безкокояла, т.к. моя штаб-квартира находилась всего в нескольких километрах от Сагареджо, где биваком стоял грузинский советский полк. Офицеры полка были в панике и о поддержке с их стороны нельзя было и думать. Беглый взгляд на карту и всякий грамотный честный человек отдаст себе отчет и скажет: каким чудом я спасся из этого треугольника - Вазяни, Сагареджо и Патардзеули?

Я думаю, в эмиграции имеются газеты, в которых показания Котэ Андроникова и Лейт. Накашидзе не могут быть фальсифицированы, т.к. эти показания принадлежат не мне или бамматовским „молодцам“, а истории. Некто „*Vigilani*“, руководитель контр-espionage в дни Великой войны, в своих воспоминаниях говорит, как на пустяках попадались самые опытные шпионы - как Антанты, так и центральных империй. На основании показаний двух наших вышеупомянутых мучеников, я громкогласно уличаю Шалва Оглы Амираджиби в сознательной лжи*. Извлекать же из „сундука исторического прошлого“ давно утерянное имя смехотворно, т.к. сам Председатель к-та независимости Котэ Андроников уличает бывшего члена к-та независимости Шалва Оглы Амираджиби в сознательной клевете; может ли такой угодный преступник, каким в действительности всегда был и остался наш отечественный Демьян рассчитывать на нашу снисходительность. У Шалва Оглы Амираджиби нет не только грузинского внешнего облика (в жилах этой расы давно перестала течь кровь грозных иберов), но и грузинской совести. Они только, к величайшему нашему несчастью, носят грузинские имена. В чьих интересах работает наш „герой“? С прово-

* На пустяках попадают рожденные лгуны типа амираджимовских холуев: Амираджиби сознательный фабрикант лжи, на службе у Каинов.

катором Карумидзе Шалва Оглы свизывает не только старинная дружба, но и „горійскія“, т.е. совершенныя вместе преступленія. Всем оркестром руководит старый провокатор Карумидзе... Посылая мою книгу Шалва Оглы, я сознательно искал схватки с нашим Квазимодо, и вот почему: в начале своей провокаторской деятельности у Карумидзе была задача ликвидировать Н. Рамишвили (на службу „чека“ Карумидзе поступил летом 21 года...; для вида даже был арестован, но выпущен через несколько дней и затем послан за границу в качестве коммерсанта). После смерти большого патриота очередь настала за Н. Жорданіа... По всей вероятности, я буду взят на „мушку“ вслед за великим стариком. Как-то бодро дышется, становится легче на душе, когда чувствуешь за спиной зоологическую ненависть этих скотов. Верным подручным Карумидзе Шалва Оглы Амираджиба остался и в изгнаніи. Разбойник Кудіар искренно раскался: стал отшельником и умер в нищете; грабитель картлинских церквей только притворяется верующим христианином, т.к. даже должность дьячка беднаго эмигрантскаго прихода - занятіе доходное.

В стане дагестанских янычар дан такой указ: „За Рамишвили - Жорданіа, за Жорданіа - Цагурия. Я им отвечаю: „За Карумидзе - Баммат, за Баммат - Амираджиби. Идти непосредственно вслед за Жорданіа - величайшая честь; идти же за Бамматом в порядке предательства, это величайшій позор. Но не даром я писал про Шалва Оглы, что природа его наградила внешностью Квазимодо, пером и душой Демьяна Беднаго..., для полной его характеристики нужно добавить еще -и совестью Іуды.

Отечественным Іудам гордо заявляю: „*Silence aux traitres!*“ Таков ответ не „меньшевистскаго Наполеона“, а историческаго *Sirdar*'а Гаре-Кахетіа

ИРАКЛІЯ ЦАГУРІА

.....

T 10.988
3

21

